

Теплый, но сырой вечеръ. На большихъ бульварахъ, на авеню де л'Опера пиныряютъ съ рупорами размалеванные парижскіе «гамэны», возвѣщая о праздникѣ Св. Николая. Медленнымъ, но нервнымъ шагомъ иду я къ Елисейскимъ Полямъ. У французовъ сегодня праздникъ, — а у насъ? У насъ, русскихъ эмигрантовъ, настоящий праздникъ, не такой, какъ у французовъ. И меня даже удивляетъ — почему парижскіе «гамэны» съ рупорами сегодня вечеромъ возвѣщаютъ о праздникѣ Св. Николая? Почему? Вѣдь они должны возвѣщать о другомъ, болѣе крупномъ праздникѣ — о пріѣздѣ «художниковъ», объ ихъ сегодняшнемъ спектаклѣ! Вѣдь это — настоящий праздникъ, и какой рѣдкостный праздникъ, не такой, который мы привыкли встрѣчать каждый годъ, въ опредѣленный день...

Идя по широкимъ улицамъ столицы Франціи, залитымъ разноцвѣтными огнями, шумнымъ и богатымъ. — я съ затаенно и иностранцы, охваченные, скорѣе, необыкновеннымъ любопытствомъ, нервничаятъ, въ ожиданіи начала спектакля.

Сигналъ данъ, свѣтъ потушенъ и, какъ по магическому мановенію, залъ замираетъ и трепетно ждетъ начала... Къ волшебному занавѣсу прикованы взоры представителей культурнаго Парижа... Вотъ онъ сейчасъ поднимется и передъ нами предстанетъ величественная картина знаменитой исторической пьесы — «Царь Федоръ Ивановичъ», въ исполненіи артистовъ, которые вправѣ назвать себя гордостью Русской Культуры.

И лишь только волшебный занавѣсъ поднялся, какъ всѣ мы почувствовали нашу родную Русь... Вотъ она, передъ нами, мы тоже «тамъ», съ «ними»... Нѣтъ, нѣтъ, мы не въ Парижѣ, — это не можемъ быть... Мы въ Россіи, въ Москвѣ... У себя...

Потчасъ проходитъ такъ мгновенно, что когда занавѣсъ опустился и дали свѣтъ въ залъ — я точно очутился отъ глубокаго и мучительнаго сна... На душѣ нестерпимо тяжело... Нестерпимо больно занесли вновь старыя раны... Смотрю на окружающихъ и не понимаю — какъ могутъ они улыбаться, какъ могутъ, какъ смѣютъ они аплодировать! Какъ можно такъ легко очнуться отъ трагическихъ (и вполнѣ современныхъ!) словъ царя Федора, который артистъ произноситъ съ неподражаемой искренностью и мучительной мольбой:

— Помиритеся... Забудьте старую вражду... Помиритеся... *Ради Руси...*

Какія слова! И не улыбаться намъ

еннымъ дыханіемъ лицу на лицахъ парижанъ улыбку, радость, отраженіе предстоящаго исключительно рѣдкостнаго художественнаго наслажденія. Есть ли все это?.. Кажется есть, ну, конечно — есть!

Вотъ и огромное зданіе театра Елисейскихъ Полей. Внѣшность его, кажется, была холодной и угрюмой. Присматриваясь — нѣтъ! Вѣрно ошибался раньше... Къ подъѣзду безшумно подкатываютъ вереница автомобилей — имъ конца нѣтъ. Огромное зданіе театра сегодня гостепріимно принимаетъ всѣхъ. И всѣ спѣшатъ, волнуются, суетятся, спуютъ по широкому вестибюлю — какъ бы не опоздать!

Здѣсь сегодня «весь русскій Парижъ». И богатые, и бѣдные, и взрослые, и дѣти... Но все же удивляетъ обильное количество и иностранцевъ. Среди русской рѣчи, слышу и французскую, и англійскую, и испанскую. И не только мы, русскіе, волнуемся, какъ передъ экзаменомъ,

нужно, а мучиться и думать надъ смысломъ ихъ. Вѣдь *наша-то Русь* переживаетъ теперь не меньшую трагедію междоусобной вражды, но волѣ красныхъ диктаторовъ...

Выхожу въ вестибюль, весь одурманенный только что пережитымъ. Вотъ онъ — «самъ» Станиславскій, окруженный друзьями. Да у него и не могутъ быть недрузья! Обнимаемся и нервно, восторженно обмѣниваемся короткими фразами.

— Ну, какъ бѣли? — Все благополучно? Всѣ здоровы? — засыпаю его вопросами.

— Все благополучно. Имѣли большія непріятности съ декораціями — получили ихъ, благодаря исключительныхъ отношеній къ намъ французовъ къ 4 часамъ. Начали спектакль, а декораціи послѣднихъ дѣйствій еще на вокзалѣ.

— Куда ѣдете отъ насъ?

— Въ Америку, — сухо и съ таинственной дрожью отвѣчаетъ Константинъ Сергѣевичъ.

Въ Америку... Да, Европу, дѣйствительно, удивили, и какъ еще! Нужно еще удивить Америку, и тогда весь свѣтъ будетъ знать, что такое «Художники» и какова русская культура...

Счастье наше и Россіи, что у насъ есть еще «художники»... Спасибо Вамъ, спасибо отъ всего сердца, что вы — гордость Россіи, сумѣли поднять нашъ духъ, придавленный и измелъчавшій въ душной атмосферѣ эмигрантскихъ будней!

Анатолій Аниинъ.

Парижъ 5 декабря 1922 г.